

Тер-Ваганян Вагаршак Арутюнович

По боевым вопросам марксизма
Полемическое

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
В12

В12 **Вагаршак Арутюнович Т.**
По боевым вопросам марксизма: Полемическое / Тер-Ваганян Вагаршак Арутюнович – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 214 с.

ISBN 978-5-519-76512-1

Философия -- История философии -- Всемирная история философии -- Новейшая
философия -- Анализ и критика философии марксизм -- Сборник

ISBN 978-5-519-76512-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящий сборник составлен из статей, ранее появившихся в журналах—лишь две последние печатаются здесь впервые. Появлялись они под разными подписями. Мои псевдонимы были так прозрачны, что я расшифровываю их без всякого риска кого-либо удивить.

Называя «боевыми» те вопросы, которым посвящен мой сборник, я нисколько не грешу против истины. На самом деле, вот уже слишком три года со страниц наших теоретических журналов не сходят те вопросы, о которых идет речь ниже. Может показаться странным, что столь элементарные вопросы приобретают значение боевых вопросов. Враги могут видеть в этом доказательство отсутствия теоретических интересов, отсутствие развития теоретической мысли.

На самом деле:

Нужна ли пролетариату философия? Следует ли изучать ее и ее историю?»

Что такое идеология, имеет ли пролетариат свою идеологию, не есть ли идеология вредная для пролетариата «абerrация сознания»?

Что есть ленинизм, не есть ли это нечто противостоящее марксизму?

Нужно ли изучать диалектический материализм? не следует ли изгнать преподавание «абстрактной теории» из наших комвузов?

Что такое диалектическое понимание природы? можно ли сводить его к механистическому?

Это ли не простые вопросы? Сами по себе они, разумеется, простые и в марксистской литературе давным давно решенные вопросы, но в наши дни они имеют совершенно исключительное значение. Враги наши на то и враги, что не в силах понять культурные задачи наших дней и теоретические запросы масс. Когда втягиваются в теоретическую работу такие колоссальные массы рабочих и крестьян, и по мере того, как они втягиваются, неизбежно должны появляться, с одной стороны, тенденции к упрощению ряда вопросов, а с другой—попытки нигилистического отрицания теоретического наследия прошлого.

Вместо того, чтобы «вылушивать» все здоровое из наследия прошлого,—как говорит Энгельс ¹⁾,—мы имели уже антифилософский «алармизм», антиидеологический и антидиалектический поход, предпринятый с большим напором и настойчивостью.

То, что боевыми вопросами марксизма в наши дни стали эти сравнительно несложные вопросы мировоззрения, свидетельствует не об отсутствии теоретических интересов, а о массовом движении рабочих и крестьян к знанию, о начале культурной революции, завершение которой еще не так близко, для завершения коей потребуется колоссальное напряжение сил.

Не следует прельщать себя—долго еще этот процесс массового движения к культуре будет держать в центре внимания воинствующего материализма про-

¹⁾ Энгельс говорит: «Дело идет не о простом отвержении всего теоретического содержания этих двух тысяч лет (лежащих между древними греками и нами), а о критике его, о вылушивании из преходящей идеалистической формы ценных результатов, добытых в рамках этой ложной, но неизбежной для своей эпохи, по историческим условиям формы».

стые вопросы мировоззрения, но мы об этом не будем жалеть: задача воинствующего материализма в наши дни—помогать всеми силами той культурной революции, о которой так настойчиво и с такой гениальной дальновзоркостью проповедывал Ленин.

В чем может выразиться эта помощь? В борьбе со всяким извращением диалектического материализма, с одной стороны, и в пропаганде неизвращенного диалектического материализма—с другой. Нет нужды в том, что часто придется повторять аргументы, что нередко задача выльется в оборонительную. Нужды нет. В наше время оборона ортодоксии—наступательная задача.

Все мои статьи полемические.

Прямо чудовищно, что в наши дни, в дни безраздельного идейного господства Ленина, есть нужда в оправдании полемики.

Но нужда есть.

Враги полемики не щадят даже классическую марксистскую литературу. Некоторые наши товарищи думают, что самый большой недостаток «Анти-Дюринга» или «Монистического взгляда» заключается в том, что они полемические произведения! Были даже варварские попытки вытравить из них эту полемику. Можно без большого риска ошибиться утверждать, что кто-либо возьмет на себя геростратовскую задачу очистить «Эмпириомонизм» от полемики.

Боязнь полемики стала прямо болезнью!

А между тем, как мыслимо догматическое, неполемическое обнаружение истины для мировоззрения, которое смотрит вперед, а не назад, которое находится на самом острее борьбы за преобразование мира, которое создается преодолением прошлого?

Вообще—принципиально, как мыслимо познание истины вне полемики? Поскольку обнаружение истины—диалектический акт, постольку оно немислимо вне полемики, ибо наисовершеннейшая форма диалектики, ее прообраз есть полемика.

А если это так, то почему следует предпочесть скрытую полемику перед открытой?

Но тем самым решается и вопрос о восприятии истины, вопрос учебно-педагогический. Кратчайший путь для усвоения данного мировоззрения—изучение его в его динамике в ее наидиалектической форме, так, как оно дано в полемике.

Ни у Маркса, ни у Энгельса, ни у Плеханова, ни у Ленина нет ни единого произведения неполемического: разве это не наилучший аргумент за полемическую форму?

Сказанное не следует толковать превратно. Я имею в виду лишь защиту формы.

I

ВЫНУЖДЕННАЯ ПОЛЕМИКА ¹⁾

I

Валентин Рожицын — ортодоксальный марксист, — так, по крайней мере, его рекомендует редакция «Грядущего Мира» ²⁾. И, разумеется, мы чрезвычайно рады тому обстоятельству, что по философской части на Украине все обстоит благополучно: во всех журналах, а их на Украине не меньше, если не больше, чем в Великороссии, и почти в каждом номере то-и-дело мелькает фамилия т. В. Рожицына, либо инициалы В. Р., В. Р-ын и т. д. Значит, — думали мы, — в Харькове последовательный материализм, — а давно известно, что ортодоксальный марксист не может не быть последовательным материалистом, — является господствующим, по крайней мере, в столичной периодической печати. Однако, просмотрев некоторые из этих статей, мы пришли в недоумение: какой-то странный марксизм проповедуется на страницах коммунистических журналов Украины.

Просмотрите только замечательную в своем роде статью В. Рожицына: «Новая наука и марксизм» ³⁾, и у вас будет полная картина того, что я выше назвал странным марксизмом.

Она замечательна во многих отношениях.

В ней Рожицын пытается установить связь между

¹⁾ «Под знам. маркс». 1922 г. № 9—10.

²⁾ «Грядущий Мир», № 1, стр. 253.

³⁾ «Путь Просвещения», № 5, IX, 1922 г.

новой наукой и марксизмом, при чем под новой наукой он понимает, очевидно, современное естествознание, скорее более ограниченно-точные науки (физику, химию и т. д.). Мы говорим: очевидно, ибо на протяжении всей своей статьи (55 страниц!) он ни разу точно и ясно не формулирует, что же, по его мнению, есть «новая наука».

До так называемой «революции в науке» (конец девяностых годов) «развитие физических теорий происходило на почве, которую нельзя не назвать материалистической» в то время, как за последние четверть века «тенденция научного развития» выражалась в том, что «руководящая, главенствующая линия науки шла от материализма к идеализму»¹⁾. Под влиянием этой тенденции часть русских марксистов «пыталась построить предпосылки марксизма, основанные на описательной теории чистого опыта». «Вследствие этого, — говорит далее В. Рожицын, — возникло впечатление (курсив мой. В. В.) философской смуты в рядах марксистов»...

Очень неловкое выражение В. Рожицына, подчеркнутое мною, может дать повод думать, что он недооценивает глубины философского расхождения между марксистами и эмпирио-философами разных толков, но несколькими строками ниже он пишет, что Богданов и его друзья пытались примирить марксизм «с идеалистическими тенденциями в современной науке» в то время, как «Плеханов и его ученики, Деборин, Ленин, Аксельрод защищали тот материализм, который Макс Адлер назвал личной точкой зрения Маркса»²⁾.

Как же тут он мог не заметить пропасти между этими двумя точками зрения? Одни — идеалисты, другие защищают точку зрения Маркса — т. е. материалисты.

И Рожицын тут же, как бы для того, чтобы не осталось ни капли сомнения, пишет:

¹⁾ «П. Пр.», стр. 6.

²⁾ «П. Пр.», стр. 7.

«В настоящее время мы требуем научной последовательности по линии материализма и считаем, что только такая теория согласуется с марксизмом, которая противоречит эмпириокритицизму».

Я с вами согласен, читатель, что приведенная выписка очень нескладна, что В. Рожицын перестарался: не всякая теория, противоречащая эмпириокритицизму, согласуется с марксизмом,—далеко не всякая!—но все же такое чрезвычайно решительное настроение против эмпириокритицизма ясно свидетельствует, что Рожицыну не чуждо понимание яркого анти-марксистского характера разных толков эмпириофилософии.

Но если в марксизме наметились эти две школы, из коих одна—против Маркса и в основе идеалистична, а другая последовательно-материалистическая и защищает точку зрения Маркса, то, казалось бы, тут для марксиста не может быть никакого колебания в выборе.

В том-то и все дело, что это очень ясно лишь для нас, простаков, а для Рожицына существует совершенно непредвиденное нами но, да еще какое «но»!

«С другой стороны (но! В. В.), прямое возвращение к Плеханову невозможно. Недостатки плехановского обоснования материализма сводились к тому, что, во-первых, он совершенно не имел самостоятельных знаний в области естествознания, во-вторых, чрезмерно доверял монизму Геккеля, в-третьих, выводил материализм философским путем, исторически основывая его на пантеизме Спинозы, в-четвертых, определял материю, как вещь в себе, т.-е. совсем не определял ее, в-пятых, устанавливал одностороннее гносеологическое отношение теории к материи (? В. В.): ставил вопрос о ней, как о силе, рождающей ощущения, и только!¹⁾, в-шестых, исторические формы материализма, как они были даны в философском развитии от де-Ламеттри до Фейербаха, считал ныне действующими и не превзойденными научным знанием».

Целых шесть обвинений! Внимательному читателю

¹⁾ Восклицательным знаком Рожицын хочет обратить внимание читателя на эту фразу. И мы просим читателя несколько задуматься над всем пятым обвинением в целом и над победоносным «и только!».

ничего не стоит заметить, что эти шесть обвинений (кстати сказать, формулированные до крайности неряшливо и невнимательно) сводят на-нет для нас всю философию Плеханова, буде они верны.

Но тот же самый внимательный читатель не забыл, вероятно, что выше Рожицын сам согласился с Максом Адлером в том, что точка зрения «Плеханова и его учеников, Деборина, Ленина, Аксельрода», есть точка зрения Маркса¹⁾. Отсюда, несомненно, вытекает, что шесть обвинений Рожицына направлены не против одного Плеханова, но и против Маркса и Энгельса.

После этих обвинений, очевидно, почувствовав себя «освобожденным от многолетних идейных привязанностей»²⁾, он далее на пятидесяти страницах пускается в чехарду со всякими звучными именами естествоиспытателей, философов, с очаровательной непринужденностью перебирает теории, с наивностью институтки открывает давно известные истины, ни разу прямо и открыто не обсуждает столь неожиданно приплетенное обвинение Маркса-Энгельса-Плеханова.

За ним нам не угнаться. Мы, ученики, подобно Плеханову, «обладаем умом консервативным и рационалистическим» и предпочитаем держаться прочной, хорошо нам известной «почвы старого философского материализма»³⁾ — материализма Маркса и Энгельса, ибо не находим резона покинуть ее. «Начать сегодня поход против того основного направления марксизма, который является единственным носителем подлинного ортодоксального марксизма» — это значит открыто стать на путь пересмотра и ревизии, подобно тем, кто двадцать пять лет тому назад это сделали со столь же благими намерениями, как и Рожицын. О том, что это действительно носит в себе самая ре-

1) Справедливость требует отметить, что В. Рожицын привел слова М. Адлера полностью: «Личной точкой зрения Маркса, не обязательной для марксизма»; вторую часть предложения мы не привели, ибо нам казалось, что В. Рожицын привел конец фразы ради вящего посямления М. Адлера. Иначе применение к Рожицыну звания «ортодоксальный марксист» — нужно было бы толковать как злую насмешку.

2) «Гр. Мир», № 1, стр. 163.

3) «Путь Просвещ.», стр. 8.

альная возможность такого «нового пересмотра», свидетельствует он сам в другом месте, говоря: «Тот факт, что некоторые русские марксисты так легко поддавались эмпириокритическим иллюзиям, свидетельствует больше о стремлении марксизма (? В. В.) согласовать свои выводы с современным — хотя бы неправильно определенным — уровнем естествознания, чем о желании извратить науку или повести ее реакционным путем»¹⁾. Консерватор и рационалист Плеханов таких вещей не говорил бы.

Он бы, наоборот, по поводу этих слов Рожицына сказал ему: «о вашей готовности признать махистов за марксистов вы жестоко пожалеете»²⁾. Мы уже жестоко пожалели в свое время, теперь уже вы пожалеете, и не менее жестоко, только за другое. А по мнению Рожицына, несомненно, выходит, что махистский ревизионизм был результатом стремлений марксизма — он считает их за марксистов, он считает таким же естественным стремлением марксизма и то, что сегодня в его лице и в лице ряда товарищей выступает в виде движения от старого Маркса к «новой науке».

Прав старый Плеханов, они-же жестоко ошибаются. Двадцать пять лет тому назад это движение дало эмпириомонизм, идеалистическая суть которого ясна и Рожицыну, — сегодня эта тяга к «новой науке» от старого марксизма даст в лучшем случае возрождение естественно-научного материализма: пренебрежение к своей философской генеалогии даром не проходит.

Однако оставим Рожицына и вернемся к его шести обвинениям против Плеханова - Маркса, — это будет значительно плодотворней.

II

На самом деле, чрезвычайно интересно, действительно ли Плеханов считал непревзойденным научным знанием исторические формы материализма? Ведь не

1) «Крит. наших крит.», стр. V.

2) «П. Пр.», стр. 32.

только от Ламеттри, но и от Фейербаха до наших дней наука ушла так далеко вперед, как не в состоянии были этого представить самые пылкие фантазеры, самые смелые мечтатели!

Еще в споре с Богдановым Плеханов получил такой-же упрек, при чем параллельно с этим Богданов его упрекал в том, что он является учеником «барона Гольбаха»; в ответ на это Плеханов писал: «Так как вы называете меня гольбахианцем по поводу защищаемой мною теории познания, то я считаю не бесполезным довести до вашего сведения, что эта теория имеет значительно больше сходства с учением Пристля, нежели с учением Гольбаха. В других же отношениях то философское миросозерцание, которое я защищаю, отстоит дальше от взглядов Гольбаха, нежели, например, от взглядов Гельвеция или Ламеттри»¹⁾... Но в чем же он считает себя близким к Пристлю и др. материалистам XVIII в.?—В теории познания; что касается до их «знания» (нужно полагать—естественно-научные знания), то вслед за Энгельсом и Плеханов считал их давно превзойденными: «Я не менее Энгельса восхищаюсь этим богатым и разнообразным по содержанию и блестящим по форме учением материалистов XVIII столетия (! В. В.), но я так же, как и Энгельс, понимаю, что со времени процветания этого учения естествознание ушло далеко вперед, и что мы не можем разделять теперь физические, химические и биологические взгляды хотя бы того же Гольбаха». Это так открыто и ясно сказано, что не оставляет места сомнению. Для очень критически настроенных читателей мы могли бы число подобных цитат умножить, но ограничимся лишь еще одной, весьма энергичной. «Самой собой понятно, что французские материалисты не знали многого из того, что известно теперь каждому школьнику: достаточно напомнить химические и физические взгляды Гольбаха»²⁾.

Тут даже самый предубежденный читатель не от-

¹⁾ «От об. к нап.», стр. 20.

²⁾ См. «Мон. взгля.», стр. 3.